

Ягодкой её прозвали ещё в девках, может, за румяные, круглые, как смородина, щёки, а может, за прекрасное знание целебных ягод и трав. Дом Ягодки с Никифором своими запахами и бесчисленными пучками трав и корней, корешков, листьев и стеблей, развешанных на деревянных балках, походил на избу колдуньи-целительницы.

Ягодка забыла счёт годам, махнула на них рукой, мол, бежите себе мимо, – ваше дело – бежать, наше – поспешать. Смутно-смутно догадывалась, правда, что ей не то 85, не то 88 – девяносто ещё не было.

Дети, внуки, правнуки – все взрослые и учёные – все разъехались от земли, огородов-садов, – и никто в родные края возвращаться не хочет. Остались на хозяйстве дед Никифор да бабка Ягодка, держат участок исправненько, любовно. Уточек, курочек тоже не переводят, – а как же! Приедут внуки в отпуск – надо потчевать, принимать дорогих гостей. А то, может, и насовсем кто захочет остаться?..

Ждут старые терпеливо, спокойно, к почтовому ящику ходят регулярно: не прислали ли весточку голуби сизокрылые, не надумал ли кто в края родные, потом политые, слезами предков–казаков умытые, воротиться да добром обзавестись?

Каждый день встают старики до света. Ягодка берёт старенькую, с обшитыми чулком ручками камышовую кошёлку, «салафановые» кульки для творога, для чего другого, надевает перед зеркалом крахмальный батистовый платок – наперёд крайками – как полагается настоящей казачке – скоренько-скоренько семенит на базар.

А ходит она на базар каждый день, кроме понедельника, потому что по понедельникам базара нет. И жалко. Без базара и интереса нет!..

Вот вчера, к примеру, был понедельник, и они с дедом пололи утречком чеснок. А дед Никифор возьми и спроси: «Ты ж чула, Стёпка, шо у Сальвадоре проклятая Хунка вытворяет? Шо над людьми вымывает? Хуже хвашистов, шоб её лихая година разбила!»

«Та шо ж ты, дед, спрашуешь, дэ ж я чула, когда базару сёдня не было! Совсем склеротик став!»

«Ох, ты грех, и правда не было, – сокрушался дед Никифор и усиленно махал тяткой.

Ягодка особенно любила эти утренние часы, когда ещё совсем не жарко, и воздух пахучий и чистый. В эти часы вылетают из ульев облегчённые за ночь пчёлы и заводят над акациями, яблонями, палисадниками гул и жужжание на весь день... От цветущих повсюду растений исходит устойчивый хмельной запах, настоящий на утренней свежести.

По утрам в станице начинается переключка горластых, хриплых петухов, а затем наступает особенное оживление: густо мычат коровы и телята, освещаемые первыми красноватыми лучами, мягко прорезавшими ночную сырость, крикают утки, хлопают крылья, дородные хозяйки под крики: «Гиля! Гиля!», – прутиками из молодой акации выгоняют на речку гусей. Это была её Ягодки-на-утренняя симфония, живая музыка её станичной жизни.

С базару Ягодка возвращается рано, до восьми часов она была уже дома, а выходила чуть свет, чтоб застать всё, что там будет.

Особенные в казачьих станицах базары: приди туда в девять, не купишь уже ничего, а чтобы увидеть базар во всём его ассортименте, не поленись – встань в 4-5 часов! «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт!» – Ягодка давно усвоила эту мудрость.

Поставив на стол не разобранный ещё кошёлку, Ягодка скоренько шла к калитке, чтобы не прозевать, как будут идти к машинам женщины на свёклу. С рёвом и тарахтеньем проносились мопеды и мотоциклы – мужчины ехали на работу. Каждого Ягодка провожала долгим ревнивым взглядом: мои внуки могли бы так... Когда на дорожке появлялись нарядные, в цветастых модных платьях и косыночках женщины с тятками на плечах и авоськами в руках, Ягодка выходила им навстречу, чтобы поздоровкаться с каждой. Говорила приветливо: «Здравствуйте, деточки! Бог вам в помощь! А сама думала: «Как же красиво люди стали на работу одеваться – раньше так только в церкву наряжались», – и стояла ещё несколько минут у калитки, приложив козырьком ко лбу ладонь.

Всю жизнь, до самой пенсии, Ягодка отдала земле. Она знала цену хлебу: пережила голодовки, коллективизацию, войну, неурожаи, нелёгкие трудодни... Все было спрессовано и переплетено годами. А сейчас!.. Такая жизнь настала – всего полно! Свет электрический, кино в каждом доме своё – холодильник, газ, кипятильник – живи и радуйся, да жить уже мало осталось... В раздумьях Ягодка шла разбирать покупки. Хоть им с дедом Никифором внуки из столицы прислали холодильник – старики пользовались им только в крайнем случае: и то, чего зря свет переводить? Что им лень в погреб слазить, что ли? А зимой и так холодно... Пускай мотор отдыхает. Телевизор тоже лелеяли с дедом, как дитё, хоть программу выписывали регулярно. Летом смотрели телевизор по воскресеньям, а также на Троицу и Спас. Времени летом для телевизора нет. А если и управятся с делом пораньше, так лучше на лавочке посидят, с соседями – дедом Васькой да бабой Улей – побеседуют, проводят взглядами девчонок с парубками.

... Ягодка варила вареники с творогом не на газплите, что в коридоре стояла, а на старой печке, под навесом. На ней Ягодка грела дождевую воду для стирки, потому что жёсткая колодезная вода не вымыливала мыло, а сворачивала.

На этой же плитке, старательно обмазанной кизяками, смешанными с глиной, она любила варить варенье: вишнёвое, малиновое, алычовое. А когда угли перегорали, и зола выгребалась из печи горбатой чугунной кочергой, на «поду» Ягодка сушила груши и чернослив, для узвара

Вареники были готовы, подклацаны, густющая сметана разбавлена цельным молоком, так, чтобы в неё можно было макать вареники, – деда Никифора всё не было. «И где его носит лихая година?» – подумала Ягодка, выглядывая в окно. «Шо за манеру взяв, на завтрак опаздывать? Стоп! – вспомнила Ягодка. – Так он же с утра в магазин ушёл мопед себе покупать! Ишь, шо надумав старостью! Мало ему лисапета! Там же ногами крутить надо, а тут само ездит! Ой, горе ж ты луковое, лышенько! – Причитала негромко, – так и ищет старый приключение!» – качала Ягодка головой. «Зря торопилась с варениками, теперь разогреть придётся» – сокрушалась молча.

С улицы донёсся звук открываемой калитки... Ягодка скоренько просеменила во двор и остановилась как вкопанная: «Смерть козляча! – невольно вырвалось у неё, – Никифор, це ты чи не?»

«Я, Стёпа, я, отчиняй ширше калитку, бачишь, не пролезаю з мопедом?» Ягодка быстро пошла к калитке, приподняла её на петлях над землёй и отвела в сторону. «Матерь Божья!!! – запричитала, увидев Никифора, – где ж тебя носило?» Лицо деда было перепачкано мазутом, диагоналевая фуражка сдвинута на одно ухо, на штанах прилипли перья, одной штанины до колена не было, и из её широкого раструба проглядывала тощая нога в огромной серой туфле: «Ой, и намаялся я с покупкой, хай ей бес!»

«А шо ж, чи ты ездил уже сам?» – захихикала Ягодка. «А как же! – не без гордости произнёс дед Никифор, – хлопцы дали бензин, масло и показали, как ездить. Посадили, мотор включили – и – паняй, дед! А как выключить – не показали! И я на радистях забув спросить. Хорошо, шо я сразу до деда Васьки в курятник врезался, а то б пришлось ездить, пока горючее не кончилось!»

После завтрака, управившись на кухне и убедившись, что дед Никифор занят надолго, Ягодка засеменила в хату. Летом ставни в станичных хатах принято закрывать, чтобы сохранить прохладу до вечера, а вечерами (после захода солнца) открывались и ставни, и двери, откидывались марлевые (от мух) занавески, чтобы в душные тихие комнаты вливался свежий вечерний воздух с ароматами только что политого палисадника.

Несмотря на закрытые ставни, в хате не темно, потому что всё вокруг было застелено белыми, выбитыми на машинке покрывалами, крахмальными салфетками и чистенькими рушниками. В глубине хаты раздавался мерный звук педантичного маятника, который старательно и чётко отмеривал ритм.

Ягодка скоренько прошла в зал. Там, за старым диваном, с пышной оборкой на чехле, в углу под иконой стоял её личный сундук – подарок родителей к свадьбе. В сундуке было много всякой всячины: лежали пропахшие нафталином белоснежные и чуть пожелтевшие от времени простыни, наволочки, рушники, а также нижние юбки времён Первой мировой. Ещё здесь лежало то, что было приготовлено ей и деду Никифору «на смерть». Всё это лежало внизу сундука, и бабка Ягодка ходила сюда не за этим.

Была у неё спрятана здесь одна небольшая «история» – так называла Ягодка отрез яркого импортного ситца, который ей прислала из Москвы невестка.

А получилось так: прошлым летом на каникулы приехала к ней из города любимая внучка-студентка, а Ягодка возьми да и похвались отрезом. Внучка пришла от него в восторг. Ситец яркий да ещё и импортный! Это же такой дефицит! «Бабуленька,

роднунелюка! Ты подарилу его мне? Или, лулуе, давай с тобой поменяемя! – предложила она удобнуй вариант. – У меня в городе есть кусок тёмно-коричневого шёлка, плотнуй такой, однотоннуй, – тебе бы как раз костюм полулчился, ага? Чувствуешь, ба, я шёлк на ситец меняю? Усекла, да? – донимала она Ягодку. И зачем тебе эта пестрота? Ты же бабушка, как-никак! – продолжала убеждать она.

Ягодка молчала смущённо. Никогда и ничего не жалела она для внучки, а тут – на тебе. Её как будто подменили! Она вдруг поймала себя на странной незнакомой мысли: «Ей жаль отдавать ситец». Даже «жаль» – это не то слово. Ей больно. Так больно, как отрезать себе руку. Как будто надо отдавать не мёртвые нитки, а кусочек её живой плоти, её жизни. Любимая внучка, заметив замешательство и какое-то странное выражение на лице бабушки, перестала досаждать её отрезом и больше не возвращалась к этому разговору, хотя в душе была немало удивлена.

... Ягодка бережно открыла сундук, и из его слежавшегося пахучего мрака пошёл тёплый свет, и перед глазами заиграли радужные лучи, как будто там, в темноте, спряталось само солнце.

Ягодка смотрела и смотрела слезящимися глазами на ярко-голубое поле, на розовые и белые цветы, и ей вдруг начал слышаться сильный и красивый грудной её голос, заводивший казачью песню под звуки бандуры. Она гладила цветы шершавыми ладонями и чувствовала, сквозь их пьянящий медовый запах другой, знакомый дымный запах кудрей своего Никифора, запах давней своей молодости. Она дрожащими, ослабевшими от волнения руками разворачивала отрез, крестилась на икону и, завернувшись до самой шеи в голубое поле с розовыми и белыми цветами, долго и неподвижно стояла перед зеркалом, боясь перевести дыхание. Прищурившись, Ягодка смотрела, будто сквозь годы, сквозь долгую свою жизнь.

Наглядевшись вдоволь на брызгавшую яркой живостью материю и горько сознавая, что ей никогда уже не осмелится сшить себе такого броского, откровенно красивого платья, Ягодка бережно сворачивала отрез, клала его обратно в пронафталиненнуй сундук и медленно закрывала тяжёлую крышку.

...Ей было легко и хорошо теперь, так, как будто она выпила глоток бодрящего молодого вина, и к ней откуда-то явились новые, неведомые силы.